

П. В. ДМИТРИЕВ

Литературно-художественный
ежемесячник

АПОЛЛОН

(1909–1918)

Очерки истории и эстетики

Санкт-Петербург
Издательство «Реноме»
2018

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЖУРНАЛА «АПОЛЛОН»

От «вступительного парадокса»
к «Пчелам и осам»

В этой заметке пойдет речь о самом раннем периоде журнала «Аполлон», хронологически обнимающем всего полгода или, собственно, два временных отрезка 1909 г.: с мая по сентябрь — до появления первого номера, и с октября по ноябрь — выпуск первых книг «Аполлона» и драматическая история последних недель жизни Иннокентия Анненского.

К формированию эстетической платформы «Аполлона», как хорошо известно, имели отношение различные деятели искусства и литературы (все они в той или иной мере представлены как игровые маски в диалоге «Пчелы и осы Аполлона» в первом выпуске журнала). Это и Вячеслав Иванов, и Александр Бенуа, и сам редактор «Аполлона» Сергей Маковский, и Николай Гумилев, и Михаил Кузмин. Об этом уже существует некоторая научная литература и кажется, что к настоящему времени всё уже более-менее очевидно¹.

И все же, возвращаясь к понятию пресловутого «зерна», из которого вырастает стройное дерево (эстетическая концепция журнала), здесь мы не можем не вспомнить еще раз, что первоначальная программная идея принадлежала

¹ Первая публикация, последняя в этом ряду, где дается обзор всех предыдущих исследований «Пчел и ос»: *Дмитриев. Пчелы и осы*. См. также с. 129–166 наст. изд.

И. Ф. Анненскому. Наша задача — проследить, как это зерно прорастало на своем самом первоначальном этапе, т. е. как идея была оформлена словесно и какие последующие метаморфозы претерпела.

Отправным пунктом для всех исследований в области ранней истории «Аполлона» является публикация писем И. Ф. Анненского к С. К. Маковскому, подготовленная А. В. Лавровым и Р. Д. Тименчиком и в особенности предисловие к ней². Здесь прослеживается весь процесс подготовки первого номера «Аполлона», в том числе и с точки зрения его «художественной идеологии».

Как установили публикаторы писем, после первого организационного собрания 9 мая 1909 г. Иннокентий Анненский по просьбе редактора Сергея Маковского составил набросок программы будущего журнала, прошедший впоследствии двойную обработку — Маковского, и снова Анненского³. Но это был первый виток, если можно так выразиться, «идеологического развертывания» программы «Аполлона».

Нас же больше интересует следующий этап — после второго собрания 5 августа 1909 г., потому что на нем зашла речь о другом программном материале, к которому также имел отношение Анненский, а именно — «Пчелы и осы Аполлона».

Для начала повторим вкратце историю возникновения «Пчел и ос Аполлона» так, как она изложена в названной публикации. Хочется обратить внимание на то, насколько корректно расставили акценты А. В. Лавров и Р. Д. Тименчик, притом, что вся картина (сроки написания текста, точный состав его создателей и степень их участия в этом предприятии) осталась не вполне ясной.

Очевидно, что Анненский принял участие в составлении программы «Аполлона», более того, основные формулировки

² *Анненский. Письма к Маковскому*. С. 222–241.

³ Там же.

ее, как показали Лавров и Тименчик в своей работе⁴, целиком принадлежали ему.

Вероятнее всего, речь о создании диалога («разговора») «Пчелы и осы Аполлона» (или, сокращенно, «Пчелы и осы») зашла еще на августовском заседании (после второго организационного заседания редакции), возможно, он рассматривался как некоторая «сниженная» параллель к другим материалам первого номера «Аполлона», большая часть которых так или иначе носила манифестальный (программный) характер. Именно тогда, как пишут Лавров и Тименчик, «продолжились дискуссии по программе журнала, которые нашли отражение не только в окончательном тексте „вступления“, но и в разделе „Пчелы и осы Аполлона“ — полуироническом „скучном разговоре“ о предмете и целях нового издания, составленном под руководством Маковского»⁵.

Можно предположить, что на этом редакционном заседании Анненским был прочтен отрывок, выросший впоследствии в целую драматическую сценку. Во всяком случае, на следующий день, 6 августа 1909 г. Маковский пишет Анненскому: «Итак решено — Вы немного расширите Ваш вступительный „парадокс“ и пришлете мне»⁶. Представление о том, что именно написал Анненский и каковы объемы его «парадокса», можно получить из опубликованного белого текста Анненского, приведенного в публикации Лаврова и Тименчика, являющегося в сущности начальной репликой Профессора в этой сцене⁷.

Каков же изначально был так называемый «парадокс»? Точного ответа на этот вопрос дать нельзя, однако скорее всего это был небольшой текст, претерпевший некоторую трансформацию

⁴ Анненский. Письма к Маковскому. С. 224–225.

⁵ Там же. С. 227.

⁶ Там же. С. 228, примеч. 22.

⁷ Там же. С. 227–228.

и явившийся текстовым ядром «Пчел и ос». Представляется небезынтересным рассмотреть все имеющиеся в нашем распоряжении варианты (их пять) вступительного «парадокса»:

- два черновых наброска из фонда Иннокентия Анненского в Российском государственном архиве литературы и искусства (упомянутых в примечаниях к публикации Лаврова и Тименчика)⁸, и опубликованных в примечаниях к нашей публикации в журнале «Русская литература» в 2008 г. (зачеркнутые самим Анненским варианты текста опускаем);
- беловик, воспроизведенный в предисловии к публикации Лаврова и Тименчика;
- опубликованный в «Аполлоне» текст (уже, возможно, в легкой чужой редакции).

Наша работа посвящена сопоставлению этих текстов, при котором, как кажется, есть надежда увидеть, как развивалась мысль Анненского, и попытаться осмыслить ее причудливые или же, напротив, целенаправленные изменения. Конечно, следует оговориться, что могли существовать и другие наброски, оставшиеся нам неизвестными, поэтому наши предположения не более как гипотеза.

Приводимый ниже текст кажется первоначальным не только из-за своего небольшого размера. В нем всего два предложения, но оба программные:

Тайна? Ну, этой довольно места и на острие твоего пера, хотя как бы и здесь еще не пришлось ей иногда делиться с Иронией.

На дверях мастерской, если не над самым портиком, мечтаю увидеть такую надпись черным по белому: «Аполлон улыбается не гордости мастера, а рвению ученика».

Иннокентий Анненский.⁹

⁸ Там же. С. 228, примеч. 22.

⁹ РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. № 86. Л. 4.

Не это ли и был «вступительный парадокс», прочтенный на втором редакционном собрании Анненским, который потребовалось расширить? Предположим, что это так. Надо сказать, что малый размер текста не должен нас смущать. Анненскому было предложено высказать в предельно краткой форме очень важные в его понимании мысли, что он и сделал, и, надо сказать, мог сделать это в гораздо более импрессионистической манере, свойственной ему, как мы знаем, по некоторым его работам. Тогда вопрос — почему Анненский начинает со слова «Тайна»? Начальное слово «тайна» в этой системе маркирует собой целую эпоху, т. е. эпоху символизма. Совершенно справедливо считается, что журнал «Аполлон» продолжает собой эпоху символизма, и одновременно, выдвигая уже новые идеи, спорит с ней¹⁰. Новых идей мы еще коснемся, но в чем же выражается преемственность «Аполлона»? Неужели только в именах авторов и сотрудниках, таких как Брюсов, Андрей Белый, Сологуб? И ведь все они, в том числе самая близкая «Аполлону» фигура в этом ряду — Вяч. Иванов, сотрудничали с журналом недолго. Анненский же пытается обозначить эту преемственность, может быть, интуитивно начиная с одного из наиболее свойственных символистскому миропониманию слова — Тайна. Так внимание направляется на самое суть искусства. Одновременно же дается и некоторое «снижение» образа, сравнительно с символистским, — «довольно места и на кончике твоего пера», снимается мистическая абсолютизация искусства, положение усугубляет также и периодичность, т. е. поденщина, обязательность в письме, свойственная всякому регулярному сборнику, тем более ежемесячнику. Это выражено во фразе «хотя как бы и здесь еще не пришлось ей <Тайне> иногда делиться с Иронией». Налицо призыв сойти с небес на землю, или напротив, утверждение неизбежности такого исхода событий, т. е. ввязываясь в журнальное дело, автор неизбежно

¹⁰ См. *Корецкая. «Аполлон»*.

теряет главный ориентир (добавим, символистов) и вовлекается в систему существования, свойственную журналистике, отчего величие идей неизбежно снижается.

Второе предложение — важнейшая и принципиальная декларация «Аполлона» как новой Академии: «На дверях мастерской, если не над самым портиком (т. е. на значимом и почетном, даже самом почетном месте. — *П. Д.*), мечтаю увидеть такую надпись черным по белому: „Аполлон улыбается не гордости мастера, а рвению ученика“». (Здесь толковать особо нечего, все очевидно.)

Теперь сравним с этим второй черновой вариант:

У этого Аполлона нет и не будет ни жрецов, ни святылища.

С него довольно неба и смертных. Здесь же именем бога да освятится только портик, где просветы открыты всем лучам, а ступени и плиты всем людям, — да мастерская, куда пусть свободно входит всякий, кто желает и умеет работать для Аполлона. Иерархия? Она определяется мнением мастерской о качестве работы, и только.

Тайна? Но не довольно ли места Тайне и на острие твоего пера? И как бы не пришлось Ей и там еще делиться с иронией.

На дверях мастерской, если не на самом портике элфантиной по черному мрамору мерещутся мне и слова: «Аполлон улыбается не гордости мастера, а рвению ученика».

Иннокентий Анненский.¹¹

Второй приведенный здесь набросок очень близок к беловику, опубликованному А. В. Лавровым и Р. Д. Тименчиком. Возникает ощущение, что опубликованный беловик,

¹¹ РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. № 86. Л. 2–3.

как и приводимый здесь черновик, и являются расширением первоначального «парадокса» — первого маленького отрывка. Не выполнил ли Анненский *таким образом* просьбу Маковского? Конечно, это только предположение, тем более что и текст большего объема оказался недостаточен для всего раздела. Какие же его свойства необходимо отметить? Во-первых, бросается в глаза увеличение объема текста: к прежнему афористическому куску, начинающемуся словом «Тайна?», присоединено вступление, где сразу звучит имя Аполлона, что задает тон всему «парадоксу». Посмотрим сперва, как изменилась уже известная нам часть текста. Здесь только последняя фраза неизменна (сам «лозунг» *над* портиком, а теперь *на* портике), а в другие внесены некоторые исправления. Бывшая несколько эллиптической конструкция первой фразы разомкнута, мысль стала строже и прозрачнее. Отметим и одну любопытную, «колористическую», перемену в тексте. Если вначале надпись была черным по белому (кстати, не заметил ли Анненский в этом словосочетании некоторого просторечья, идущего от известного русского присловья, и, как следствие, снижения стиля?), то потом она становится уже более изысканной — белой на черном фоне (если мы правильно понимаем редкое теперь слово «элефантина»), а в дальнейшем мы увидим, что надпись и фон вовсе теряют цвет, как бы давая нашему вниманию сосредоточиться на самом смысле изречения.

Но что, если наши предположения относительно начального текста не соответствуют действительности? Тогда на роль начального «парадокса» выдвигается как раз этот, второй отрывок. Однако возникает другой вопрос — почему Маковский в своем письме к Анненскому просит его «расширить»? Ведь дальше мы увидим только стилистическую (а не количественную) редакцию текста в направлении оттачивания смыслов, правда, с одной оговоркой, о которой еще пойдет речь.

Но вот и беловой вариант (в нашем счете № 3):

У этого Аполлона нет жрецов и никогда не будет святилища. С него довольно неба и смертных. Здесь именем бога освящается только портик, где просветы открыты всем лучам и плиты всем людям, — да мастерская, куда пусть свободно входит всякий, кто желает и умеет работать на Аполлона. Иерархия? Да, но она будет определяться мнением мастерской о качестве работы, и только. Тайна? Но Ей довольно места и на острие твоего пера? Да как бы и там еще Ей не пришлось иногда делиться с Иронией, Тайне. Далеко с портала четкие мерещутся мне и слова: «Аполлон улыбается не гордости мастера, а рвению ученика».

Иннокентий Анненский.¹²

В этом варианте первая фраза приобретает более решительный характер и риторическую убедительность (и останется такой уже до конца, т. е. до публикации). Это лучше, как нам кажется, согласуется с общей конструкцией текста, разбиваемого риторическими (не в идиоматическом, а в самом непосредственном смысле этого слова) вопросами. С надписи и самого портала «сходит» цвет, хотя слова по-прежнему все еще «мерещутся».

И вот теперь нам предстоит рассмотреть еще два варианта. До сих пор мы могли судить, каким образом развивается мысль Анненского, поскольку речь шла об автографах, расположение же их — принадлежит автору этих строк, это — не более чем реконструкция, и ее, разумеется, может оспорить всякий. Однако мы руководствовались определенной логикой, позволяющей проследить судьбу этого текста.

А дальше мы опять вступаем в область предположений. Скорее всего, рукописный текст или тексты, составившие

¹² *Анненский. Письма к Маковскому. С. 227–228.*

диалог «Пчелы и осы», поступили в ведение М. А. Кузмина, который сделал на их основании связный большой текст диалога, перепечатанный на пишущей машинке и разосланный членам редколлегии для суждения и правки. Один из таких текстов сохранился¹³. Различия в начальной реплике Профессора не столь значительны, и, по-видимому, к финальному облику этого текста Анненский уже не имел отношения, однако мы коснемся и их, чтобы завершить наш сюжет. Вот четвертый, перепечатанный на машинке, вариант (т. е. отрывок, ставший в диалоге «Пчелы и осы» начальной репликой Профессора):

ПРОФЕССОР (*немного торжественно*). Итак, вы согласны? У этого Аполлона нет жрецов и никогда не будет святилища. С него довольно неба и смертных. Здесь именем бога освящается только портик, где просветы открыты всем лучам и плиты — всем людям, да еще — мастерские, куда пусть свободно входит всякий, кто желает и умеет работать на Аполлона... Иерархия? Да, но она будет определяться мнением мастерской о качестве работы, и только. Далеко с портала четкие мерещатся мне слова: «Аполлон улыбается не гордости лауреата, а рвению ученика».

Мы видим здесь появление разговорной интонации, возникающей от вводной реплики Профессора, как будто возобновляющего разговор и возвращающего его на исходные или принципиальные позиции. В диалоге этот прием совершенно оправдан. Бросаются в глаза две вещи. Первая — отсутствие фразы о *Тайне с большой буквы*, с которой, как мы помним, все начиналось и которой прежде открывался «парадокс» Анненского (видно, что текст редактировали в направлении придания ему еще большей лапидарности). И заключительный девиз на портале также несколько переосмыслен, с заменой слова

¹³ См. публикацию на с. 150–166 наст. изд.

«мастер» на «лауреат» исчезла нежелательная оппозиция «мастер — ученик», может быть, потому что мастер должен быть выше гордости, позволительной увенчанному славой лауреату, т. е. тоже, в сущности, ученику, только выделившемуся, чем-то отличившемуся от других учеников.

Очевидно, что к началу сентября некий вариант «Пчел и ос» был уже написан, определились отчасти функция «юмористического» отдела и его название. Возможно, в окончательный текст «Пчел и ос» в качестве «зерен» были посеяны не только «начальный парадокс» Анненского, но также и отдельные мысли других участников (масок) диалога. Очень вероятно, что редактор нарождающегося «Аполлона» Сергей Маковский предложил написать нечто в том же духе некоторым другим близким редакции авторам, чтобы потом выбрать лучший, или, выбрав лучшее из написанного разными авторами, объединить отрывки в единый текст, что было, как мы знаем, поручено М. А. Кузмину. Наконец, состоялось и редакционное собрание, специально посвященное «Пчелам и осам». Приведем текст приглашения по сохранившейся повестке из фонда Анненского.

Редакция «Аполлона» имеет честь пригласить Вас пожаловать, в субботу 12 сентября (8 ч. в.) 1909 года, на собрание сотрудников в помещении Редакции — Мойка, 24, кв. 6. Предмет обсуждения *Пчелы и осы «Аполлона»*.¹⁴

Можно предположить, что обсуждался именно тот самый машинописный текст, из которого был процитован выше последний отрывок, а на его основании и с учетом мнений собравшихся был составлен и окончательный текст «Пчел и ос»,

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. № 393. Л. 4. На бланке-карточке «Аполлона». Курсивом выделено вписанное от руки.

который мы знаем по публикации в первом номере «Аполлона». Вот в какой редакции дан там первоначальный текст Анненского:

Проф. (*немного торжественно*). Итак, вы согласны? У этого Аполлона нет жрецов и не будет святилища. С него довольно неба и смертных. Здесь именем бога освящается только портик, где просветы открыты всем лучам, и еще — мастерская, куда пусть свободно входит всякий, кто желает и умеет работать на Аполлона... Иерархия? Да, но она будет определяться мнением мастерской о качестве работы, и только. Далеко с портала четкие видны мне слова: «Аполлон улыбается не гордости лауреата, а рвению ученика».

Здесь, кроме дальнейшего, скажем так, «усушения» текста, направленного на то, чтобы сделать эту декларацию еще более безусловной, мы видим только одно важное отличие. На портале храма Аполлона уже не *мерещутся* / *мерещатся* (эта словесная конструкция была изначально противоречива — ибо как четкое может мерещиться?), нет, нам совершенно определенно *видны* слова о том, что доподлинно любезно Аполлону, на что он обращает свой божественный взор. Подобно тому, как в одном только луче угадывается солнце, в этом маленьком манифесте Анненского проглядывает все эстетическое основание будущего значительного «эстетического проекта» постсимволистской эпохи — литературно-художественного ежемесячника «Аполлон».

И последнее, необязательное замечание: не было ли в этих словах, столь много раз повторенных, некой *idée fixe* самого Анненского, какой-то последней дорогóй ему, но и навязчивой вместе, мысли о настоящем ученичестве, ведущем к подлинному мастерству? И нет ли здесь отражения страданий Мастера, получившего признание как Поэт только лишь после смерти?